

Встреча с Гюнтером Грассом

В начале июня этого года Калининград посетил известный немецкий писатель лауреат Нобелевской премии Гюнтер Грасс. Программа его пребывания была чрезвычайно насыщенной. В первый же день в Немецко-Русском доме он встретился с общественностью города, читал отрывки из своей новеллы «Траектория краба». Состоялась острая дискуссия, поскольку в новелле, как известно, одним из персонажей представлен Александр Маринеско, командир подводной лодки, потопившей морской лайнер «Вильгельм Густлофф».

На встречах со студентами и преподавателями университета Гюнтер Грасс прочитал несколько глав из «Моего столетия», ответил на вопросы. Студенты немецкого отделения факультета лингвистики и межкультурной коммуникации познакомили Гюнтера Грасса со своими переводами его стихов.

Шестого июня немецкий писатель принял участие в открытии мемориального знака своему знаменитому соотечественнику лауреату Нобелевской премии Томасу Манну, который в августе 1929 года отдыхал в курортном городке Раушен (ныне Светлогорск) и работал здесь над новеллой «Марио и волшебник». На встрече Гюнтера Грасса с преподавателями университета и на церемонии открытия памятного знака присутствовал известный русский писатель, президент российского ПЕН-клуба Андрей Битов.

Ниже публикуются ответы Гюнтера Грасса на вопросы, которые я задал ему после очередного его выступления перед студентами.

***В.Г.** Господин Грасс, как Вы считаете, что такое литература Восточной Пруссии?*

***Г.Г.** Литература существовала здесь во все времена. У меня, например, сложилось особое отношение к восточнопрусской литературе эпохи барокко, в особенности к школе, сложившейся здесь, в Кенигсберге, вокруг Симона Даха. У меня есть рассказ «Встреча в Тельгте», где я создаю портрет Симона Даха, каким он был в то время, в XVII веке. Я собрал лириков барочного времени в стиле группы 47, использовал свой писательский опыт. Во время Тридцатилетней войны многие барочные поэты приезжали в Данциг и Кенигсберг, потому что здесь не было войны. Грифиус, Опиц и Гофмансвальдау были в Восточной Пруссии и многие другие проездом. Конечно, и позже здесь существовала литература балтийских регионов, например, Бергенгрюн, Зудерманн, целый ряд отличных писателей, но мой интерес скорее обращен к барочной литературе этого региона.*

***В.Г.** Спасибо. Еще один вопрос. Я достаточно давно занимаюсь немецкими романтиками. Мне особенно по душе Фридрих Шлегель и его роман «Люцинда». Скажите, пожалуйста, как Вы воспринимаете немецкий романтизм, в первую очередь творчество ранних романтиков – Тика, Вакенродера, Шлегеля, Новалиса?*

***Г.Г.** Совсем недавно – только для примера – мы вместе с одной из моих дочерей, актрисой по профессии, сделали совместную программу, посвященную «Волшебному рогу мальчика». Программа длится полтора часа, моя дочь поет, мы при-*

гласили молодого музыканта и инсценировали отрывок из моего романа «Камбала», где речь идет о встрече Клеменса Brentано, Ахима фон Арнима и Беттины с братьями Гримм и художником Отто Рунге и где описывается подготовка второго тома «Волшебного рога». Начинается со стихотворений из «Волшебного рога», затем следуют краткие пассажи из переписки Brentано и Арнима, потом – эта глава, читаемая в лицах, и все перемежается прекрасными стихами из сборника. В общем, у меня очень сильная связь с романтизмом. Что касается Фридриха Шлегеля, он сделал нечто, имеющее последствия. Он сказал: «критика – это форма искусства», и с тех пор каждый критик считает себя художником. Это ужасающие последствия, которыми мы обязаны Фридриху Шлегелю. Вы понимаете о чем я говорю?

В.Г. Да. Тем не менее, не считаете ли Вы, что, например, в Ваших произведениях «Траектория краба» и «Из дневника улитки» Ваш стиль напоминает романтический стиль, прежде всего шлегелевский? Это фрагментарность, это саморазвитие мысли, диалогичность...

Г.Г. Да, да, и эта рваная форма повествования... но я думаю, это началось с романтизма, было продолжено Жан Полем и стало в Германии традицией. Томас Манн очень часто и выигрышно к ней обращался, использовал прием иронического отношения к рассказчику, так что возникал вопрос – кто же кому что рассказывает?

В.Г. В новелле «Траектория краба» речь идет о молодом поколении, и мне запомнилась мысль, что зло содержится не в Конраде, зло – в мире.

Г.Г. Да, но это не мое мнение, а мнение рассказчика. В новелле приводятся различные мнения по поводу того, как это могло произойти, кто виноват, и этот вопрос о вине все время смещается, переключается с одного на другого, то это школа, то родители, то мир, только о личной ответственности говорится слишком мало. Ставятся вопросы, приводятся разные отговорки, а ответов не дается, ответ должен найти читатель. Я не люблю книг, в которых есть на все ответы и которые как бы лишают читателя возможности найти их самому.

В.Г. Можно ли Вашу новеллу называть только новеллой, мне кажется, эту книгу можно было бы определить как роман-комментарий, роман-предупреждение?

Г.Г. Мне было интересно использовать два принципа в споре друг с другом. Материал новеллистический, выдуманный мной фиктивный рассказчик – журналист, который утверждает: я только сообщаю факты. Итак, репортаж и новелла находятся в полемике друг с другом. Это меня и привлекло: придать классической форме новеллы новый, современный облик.

Что касается формы новеллы, я использовал ее и раньше. К примеру, «Кошки мышки» – новелла. Новелла – это как раз не роман, потому что она все эпическое сводит к необычному происшествию, это меня привлекает. И в современной европейской литературе существует ироническое обращение с новеллой. Есть такой испанский писатель, Унамуно, он написал новеллу «Туман» и предпослал ей предисловие, в котором сказал: «Критики будут наверняка говорить – это не новелла. Я могу предложить – назовите ее неволла». Это, конечно, романтическая игра с формой, ломка формы.

С Гюнтером Грассом беседовал В. Грешных